

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 1054-1067
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.1054

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Caricature of the Enemy in the Press of the Russian Empire at the beginning of the First World War: from Ridicule to Demonization

Evgenij A. Avdeev ^{a, *}, Sergey M. Vorobiev ^a, Boris A. Shishkin ^a

^aNorth-Caucasus Federal University, Russian Federation

Abstract

The article examines the caricature images of enemies on the pages of the Russian press published at the beginning of the First World War (July 1914 – January 1915). The authors apply an iconological analysis of anti-German, anti-Austrian and anti-Turkish images, including their description and identification of visual markers identifying the enemy, the definition of plots, decoding symbolic meanings and inner meanings. The techniques of ridiculing opponents and demonizing them are identified, described and illustrated with specific examples. The article examines the historical allusions used in the caricature, which create an ironic context. The image of Kaiser Wilhelm II and a number of his caricatured recognizable features became symbols of hostile Germany, its militarism, aggressive foreign policy and military ambitions. The demonization of the Germans and the Kaiser turns them into symbols of universal evil, giving the war an existential significance. The anti-German caricature and satirical narrative is characterized by: debunking the images of pillars of culture and thinkers; reduction of militarism and drill to absurdity; hyperbolization of "German atrocities"; antiheroization and immoralization of German soldiers and lay population. Various anti-Austrian caricatures are based around the image of the elderly Emperor Franz Joseph. The anti-Turkish ironically caricatures reinterpret the cliché of the "sick man of Europe." In the caricature representations of Austria-Hungary and Turkey, ridicule prevails over demonization, the internal problems of these states and their dependence on Germany are exaggerated.

Keywords: caricature, image of enemy, press, Russian Empire, World War I, demonization, Kaiser, Germany, Austria-Hungary, Turkey.

1. Введение

Карикатуры приобретают большую популярность в прессе Российской империи начала XX в., развитие полиграфии делает возможным их массовое тиражирование. Сатирические карикатурные образы из развлекательных превращаются в действенные инструменты воздействия на массовое сознание. Визуальный образ в сочетании с лаконичным, зачастую рифмованным, ироничным вербальным сопровождением легко воспринимался и запоминался обывателем. Повышение уровня образования населения, цензурные послабления и бурная политическая жизнь стимулировали расширение аудитории и появление большого числа новых периодических изданий, способствовали росту читательского интереса к ним. Пресса становится одним из ведущих акторов, формирующих общественное мнение, действенным инструментом агитации и пропаганды.

С началом Первой мировой войны, названной современниками Великой войной, а в России и «Второй Отечественной», резко возрастает роль прессы. Газеты и журналы не только предоставляют актуальную информацию о ситуации на фронте, но и транслируют государственную пропаганду, формируют образ врага. Раскручивание спирали агрессии превращает изначально дружественного или нейтрального «другого» во враждебного «чужого», который становится врагом. Образ врага

* Corresponding author

E-mail addresses: ewg.avdeev@yandex.ru (E.A. Avdeev)

формируется на основе древних, укорененных в культуре представлений и архетипов (Сенявская, 2006: 17), вызывающих громкий эмоциональный отклик примеров жестокости, бесчеловечности и варварства. Пропаганда во многом иррациональна, созданные ею образы сотканы из мифов, архетипов, субъективных оценок и предпочтений, основаны на гиперболизации характерных черт персонафицированного образа противника.

Карикатура в печати становится важным средством пропаганды и патриотической мобилизации общества, преодоления страха, снятия социокультурных барьеров и канализации ненависти. Она была призвана высмеять противника, принизить и лишить его человеческого лица. Карикатура подогривала ненависть и агрессию к врагу, укрепляла национальную солидарность, чувство единения народа, армии и правительства. С началом войны сатирическая пресса концентрируется на главном направлении – осмеянии врага, формирует в массовом сознании презрение и ненависть к нему. Происходит расчеловечивание противника, наделение образов врагов подчеркнуто феминными, животными либо демоническими чертами и такими негативными качествами как жестокость, лживость, трусость, алчность и подлость.

Значимость исследования карикатурных образов врага в российской прессе, издававшейся в начале Первой мировой войны (июль 1914 – январь 1915 г.), определяется их массовым распространением, символической ролью и историческим контекстом. Сатира и карикатура являются примечательными культурными феноменами, помогающими понять общественные настроения эпохи, раскрыть ее историко-политическое и социокультурное содержание. Анализ специфики карикатурной графики и исторического контекста ее создания дает возможность проследить трансформации массового сознания в военное время.

2. Материалы и методы

При подготовке статьи были использованы материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, Москва, Российская Федерация) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, Москва, Российская Федерация). Авторы обращались к Собранию узаконений и распоряжений правительства за 1914 год (Собр. Узак.), Альбому русских сатирических карикатур начального периода войны (1914 г.), Литературно-художественному альманаху «Война» (1914 г.); ряду журнальных и газетных изданий, выходивших с июля 1914 по январь 1915 г., публикующих карикатуры: «Новый сатирикон», «Новое время», «Солнце России», «Будильник», «Голос Москвы», «Огонек», «Шут».

Интерпретация карикатурных образов противников России, созданных в начальный период войны, опиралась на исторические ассоциации (Наполеон, варвары-гунны), культурные аллюзии и экзистенциально-мифологический нарратив противостояния добра и зла (демонизация врага). Наделение визуально-вербальных образов смыслом и актуальностью, позволило не только описать изображения, но и реконструировать исторический контекст их создания. Применяемые нами методы изучения сатирических образов в российской печати времен Великой войны основываются на трехуровневом иконологическом анализе изображений, в ходе которого осуществляется их последовательное непосредственное описание; определение сюжетов; раскрытие «лежащих в их основе принципов», выявление «символических значений» и внутренних смыслов, зачастую ясно не осознаваемых автором (Пановский, 2009: 30-44). Был использован и социально-исторический подход, делающий акцент как на конкретных практиках создания сатирических образов, так и на их контекстуальности, раскрытию стоящих за ними общественных отношений. При «прочтении» карикатурно-сатирических образов мы опирались на анализ языкового сообщения (надписи или подписи), изображения как такового и вызываемых им эмоционально-ценностных представлений, а также лежащих за ним культурных ассоциаций (Барт, 1989). Комбинирование вышеприведенных подходов позволило перейти от первичного «чистого» анализа-описания образа к его последовательному декодированию: формальное описание (выявление визуальных маркеров-кодов, идентифицирующих врага); выявление исторических коннотаций и культурных аллюзий; мифологизация образов путем их трансформации с целью придания соответствия устоявшимся архетипам и нарративам.

3. Обсуждение

«Рассвет сатирического жанра», сатира и карикатуры на врагов, их роль в мобилизации населения, формировании патриотизма и поднятии боевого духа, изучалась и осмысливалась как во время самой Великой войны (Флеровский, 1914; Славенсон, 1916; Денисов, 1916), так, в последующие годы. Советская военно-историческая литература рассматривала военную карикатуру как часть пропаганды сквозь призму классового подхода, отмечала идейно-политическую и организационную отсталость царского режима, неспособность донести свои идеи до сознания широких народных масс (Потапов, 1926; Блументаль, 1928; Ласвель, 1929). В целом в связи с идеологическим отказом от нарратива защиты Отечества в Первую мировую войну в советской историографии отсутствуют подробные исследования российской карикатуры этого периода.

Современная историческая наука включает Великую войну в большой отечественный патриотический коммеморативный дискурс. Сатира и карикатуры, их значимые аспекты и характерные черты, вошли в круг исследовательской проблематики. Достаточно широкое обзорное исследование массовых настроений россиян в годы Первой мировой войны и революции принадлежит перу В. Б. Аксенова. Им, наряду со слухами, распространяющимися в народе, анализируется и визуально-образная составляющая эпохи, в том числе образы врага, особенности их восприятия элитами и массами (Аксенов, 2020). Ряд исследований и обзорных статей фокусируются на отдельных аспектах формирования образа врага, роли периодической печати, развитии пропаганды и визуальной сатиры в широком культурно-политическом контексте того периода, (Сенявская, 2006; Голиков, Рыбаченок, 2010; Асташов, 2012; Цыкалов, 2012; Polyakova, 2012; Magsumov, 2025). Т. А. Филипповой и П. Н. Баратовым рассматриваются русская печатная сатира 1914-1917 гг., а карикатуре как «самой яркой части содержания военных материалов» уделяется наибольшее внимание (Филиппова, Баратов, 2014; Филиппова, Баратов, 2017). Филипповой принадлежит отдельное исследование образа Турции в российских сатирических журналах (Филиппова, 2016). Ряд исследований фокусируется на образах Германии и немцев как основных врагов на материале отдельных изданий (Ростиславлева, 2018; Миронова, 2018; Фролов, 2024). Анализ генезиса враждебного образа Австро-Венгрии на страницах «Нового сатирикона» первых месяцев войны был проведен В. В. Фроловым (Фролов, 2025). Дальнейшее изучение российской карикатуры начала войны с применением инструментария иконологического анализа позволит существенно уточнить и расширить теоретико-интерпретационную базу нарратива Великой войны, увидеть ее отражение в зеркале сатирической печати.

4. Результаты

Вступление 19 июля (1 августа) 1914 г. Российской империи в Первую мировую войну вызвало всплеск патриотических настроений, сопровождавшийся мобилизацией массового сознания. Пропаганда и периодическая печать активно обыгрывала и тиражировала «нарратив 1914 года», основанный на идее справедливой войны. Образ такой войны в газетах и журналах предполагал однозначную дихотомию: Россия и ее союзники воюют за мир и справедливость, воплощая идеалы добра, цивилизованности и гуманизма. Противники же представлялись средоточием варварства, милитаризма и гегемонизма. В начале войны эти представления наряду с традиционными установками на защиту Отечества и ощущениями общенародного единения перед лицом врага доминировали в общественном сознании. Многочисленные официальные и неофициальные источники свидетельствуют о массовости этих настроений, охвативших все социальные слои и сословия империи. Участникам многочисленных патриотических шествий и манифестаций, молебнов о даровании победы казалось, что все разногласия и противоречия останутся в прошлом, а враг будет разбит в ближайшие месяцы (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 14. Ч. 7. Л. 17; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 73. Ч. 7. Л. 16; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 90. Ч. 7. Л. 16). Лишь отдельные представители интеллигенции сохраняли критичность, дистанцируясь от «несчастной, непонимающей происходящего толпы» (Гиппиус, 1929: 8). Публично критиковать доминирующие в тот период настроения было крайне затруднительно как в связи со вступившими в силу цензурными ограничениями (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1482. Л. 26), так и накалом национально-патриотических чувств.

После объявления войны периодическая печать моментально включилась в пропагандистскую работу, одним из ключевых направлений которой стало формирование образа врага. Сатирический жанр пользовался большой популярностью и до войны, с ее началом карикатуристы и фельетонисты направили перья своей сатиры на противников России – Германию, Австро-Венгрию и примкнувшую к ним с октября 1914 г. Турцию. Большое значение и влияние на массовое сознание имели целостные сатирические образы врагов, составляющие композиционно-смысловое единство короткого упрощенного текста и картинки-карикатуры. Русская карикатура, по словам В. Славянсон, «милитаризировалась, по-своему стала на службу интересам государственной обороны» (Славянсон, 1916: 29). Карикатурные образы способствовали патриотическому подъему и мобилизации населения. Они помогли сформировать ненависть к врагу и преодолеть страх перед ним. Образы врагов, созданные русской сатирой военного времени, отличались от зарубежных. Для них был нехарактерен выраженный расовый подход в связи с отсутствием европейских колониальных традиций. Акцент делался не на расе или национальности самой по себе, а на аморальности, подлости и грубом нарушении законов и обычаев войны. Нарушение социально-ритуальных моделей конфликтной интеракции в понимании русского национального сознания позволяло существенно расширить негативное пространство оценки противника, даже демонизировать его. Религиозный фактор, глумление и осмеяние другой веры, святынь и символов был чужд российской военной карикатуре (Баратов, Филиппова, 2017: 8). Часто обыгрывались традиционные и узнаваемые народом лубочные мотивы, сочетающие в себе нарочитый примитивизм и стилизацию под средневековые летописные миниатюры. Такие образы придавали сатирическим сюжетам оттенок былинности, актуализируя память о славном героическом прошлом, придавая малопривлекательной реальности современной индустриальной войны эпические черты. Кроме того, эпико-мифологический хронотоп «здесь и

сейчас» как нельзя более точно соответствовал ситуативной мобилизации массового сознания. Отношение к врагу в карикатурах было дифференцированным, имелись особенности и отличия при конструировании образов Германии, Австро-Венгрии и Турции.

Исторически в российском массовом сознании образ Германии и немцев не носил явных враждебных коннотаций, сказывались тесные исторические связи в самых разных областях. Немецкая культура в XVIII–XIX вв. играла очень большую роль в развитии русской интеллектуальной традиции и образования. Образ немца связывался с просветителем, носителем европейской науки и культуры (Frolov, 2016). Милитаризация объединенной Германии, колониальные амбиции и имперская мировая политика (Weltpolitik) кайзера Вильгельма II накануне Первой мировой войны способствовали формированию все более выраженного негативного отношения к немцам, проживающим в России (Котов, 2011). С началом войны антинемецкие настроения многократно усиливаются, перерастая во враждебность и ненависть. Разговоры о необходимости покончить с «немецким засильем» в России после объявления войны вылились в череду погромов. Помимо резко усилившегося в предвоенные годы национализма, отрицательно влиявшего на отношения между представителями двух народов, определенное значение имел и религиозный фактор. Православная церковь связывала распространение баптизма и униатства в южных губерниях империи с влиянием немецких колонистов (Россия и Запад, 1998: 54). На волне антигерманской истерии, вспыхнувшей после объявления войны, возникло «Общество 1914 года», члены которого провозгласили своей целью «освобождение русской духовной и общественной жизни, промышленности и торговли, от немецкого засилья» (ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4-е д-во. Оп. 123. Д. 181. Л. 43). Общество объединило представителей различных сословий, в его состав входили и рабочие (ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4-е д-во. Оп. 123. Д. 181. Л. 55).

В начальный период войны Германия аллегорически изображалась карикатурно милитаризированной страной с манией величия. Например, на страницах Военно-художественного альманаха читателям предлагается лубочный шарж Вл. Маяковского, изображающий узнаваемую фигуру Вильгельма II с торчащими вверх усами в нарочито воинственной позе с выпяченной грудью и обнаженной саблей, держащего знамя – *Germania grandiosa* – Великая Германия (подпись: «Начало...»). Далее изображается он же, в подчеркнуто неестественной позе, выронивший саблю, знамя разорвано, теперь от изначального лозунга осталась лишь *mania grandiosa* – мания величия. Подпись: «возможный конец...» (см. Рисунок 1) (Война, 1914: 129-130).

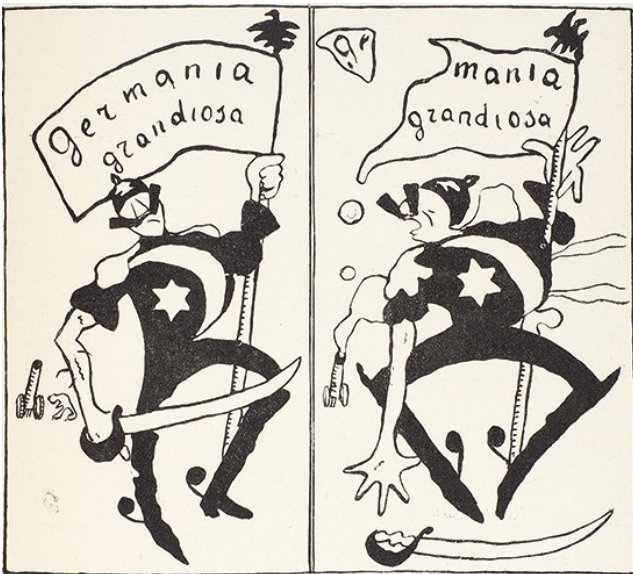

Рис. 1. *Germania grandiosa* – *mania grandiosa*

Специальный номер «Нового сатирикона» «Будущее Германии» от октября 1914 г. изображает севшего в лужу Вильгельма, сама послевоенная Германия предстает нищенкой, консержкой и пугалом (Новый сатирикон. 1914. № 41). На страницах газеты «Новое время» от декабря 1914 г. приводится ироничная «историческая повесть» в стихах, снабженная иллюстрациями. Германия предстает в образе девы в дни оные отказывавшаяся променять за миллионы «круг представителей наук и отборнейших поэтов». Однако «Франц и Вилли» научают грубого «фельдфебеля Михеля», соблазнить деву и заставить забыть «Гете, Шиллера и Канта». Оскорбленные великие умы уходят прочь, оставляя Германию с рожденным от союза с фельдфебелем прожорливым и буйным мальчиком (милитаризмом), ставшим ей обузой и навеваемыми Францем и Вилли грезами о грядущем величии (Новое время. 1914. № 13922: 11). В таких образах демонизация врага еще не

проявляется, имеет место скорее насмешка и пренебрежение, призванные нивелировать осознание немецкой военно-экономической мощи и исходящей от нее угрозы.

Основным объектом сатиры стал образ кайзера Вильгельма II. На него переносится целый ряд разноплановых негативных стереотипов. Гиперболизировались его усы, нос каска с островерхой пикой (пикельхаубе). Примечателен образ кайзера-осла в лощеном мундире с характерными усами, дополненный подписью «вождь своего племени» (*Альбом карикатур, 1914*). Во многих карикатурах кайзер не только осмеивается, но расчеловечивается и демонизируется, его образ соединил в себе черты сатаны, антихриста, разрушающего храмы, или взбесившегося зверя в характерной островерхой каске. Именно анимализация представляется одним из наиболее эффективных механизмов отстранения и отчуждения, который применяется в российской сатире при негативизации образа врага. В российской пропаганде не обыгрывались конфессиональные различия между немцами (католиками или протестантами) и православными русскими, но изображалось поприще немцами и Вильгельмом II христианских святых и ценностей. Так серьезно поврежденный в ходе артобстрела в октябре 1914 г. Реймский католический собор во Франции использовался пропагандой как яркий пример «немецкого варварства». На страницах журнала «Новый сатирик» изображаются два немецких артиллериста в характерных касках, обстреливающие из своего орудия средневековый католический собор. Подпись: «война... разрушение – это правда... но вот как разрушают немцы...» (*Новый Сатирик. 1914. № 46: 10*). Карикатуры на Вильгельма II наделялись характерными колоретными и символическими маркерами агрессии и смерти – окровавленные ножи, черный цвет, черепа и угрожающие звериные образы. Другая грань образа врага-кайзера, напротив, выставляла его жалким и смешным в своем стремлении покорить мир. В этой связи его изображение соединялось с культурным архетипом проигравшего войну Наполеона (*Флеровский, 1914: 279*). Кайзер презентуется как неудавшийся Наполеон. Подписи под одной из карикатур на Вильгельма II гласит: «Кажется совсем Наполеон, вот только шляпа... не то она мне велика, не то я для нее мал» (*Солнце России. 1914. № 31 (234)-32 (235): 2*). Эти образы говорят читателю: кайзер, как и Бонапарт потерпит поражение, но в отличие от своего великого предшественника не одержит славных побед. Фигура кронпринца связывалась с образом мелкого злодея, бездарного военачальника и воришки. Например, одна из карикатур изображает его украдкой выкрадывающим бумажник у своего отца кайзера (*Будильник. 1914. № 46: 4*). Восприятие Германии как главного и наиболее сильного врага, доминирующего над своими более слабыми союзниками также нашло отражение в сатирических образах. Фигуры императора Франца Иосифа и османского султана изображались нарочито слабыми, старыми, зависимыми от кайзера и покорными ему.

Наряду с карикатурными образами кайзера прессой гиперболизируется трусость и глупость противника. Помимо ставших популярными сюжетов, изображающих немца и австрийца, затеявшие медвежью охоту, однако струсивших при его появлении, образ медведя иногда обыгрывается с иного ракурса. Номер газеты «Новое время» от января 1915 г. соединяет его с сюжетом святочных гаданий. Кайзер смотрит в зеркало и падает от ужаса со стула, видя там медведя держащего в зубах прусского черного орла (*Новое время. № 13941: 12*). Наряду с традиционными стереотипами стали появляться и новые образы германцев, такие как «цивилизованный варвар». Например, газета «Голос Москвы» изображает немца дикарем, восседающим на сочинениях Канта и Гегеля, поедающим человеческую ногу и запивающим ее пивом. Подпись: «Германская культура» (см. *Рисунок 2*) (*Голос Москвы. 1914. № 176: 2*).

Рис. 2. Германская культура

«Новый Сатирикон» презентует читателям зооморфную фигуру немецкого солдата, поджаривающего на костре младенца нанизанного на свою саблю, образ дополнен цитатой их германской прессы: «все слухи о том, что у немецких солдат нет провианта, не имеют никакого основания» ([Новый Сатирикон. 1914. № 32: 5](#)). Автостереотип культурной нации заменяется ситуативным гетеротереотипом глупого, некультурного и хамоватого бюргера. Примечательны примеры «раскультуривания» германцев первых месяцев войны посредством карикатур и сатирических фельетонов, призванных заменить представление о немецкой культуре – антикультурностью, гуманности – антигуманностью, цивилизованности – дикарством. Так на обложке «Нового Сатирикона» (август 1914 г.) изображен прусский лейтенант, отдающий распоряжение своим подчиненным сжигать книги. Подпись: «Новый султан Омар» – аллюзия на известную историческую легенду, повествующую об уничтожении Александрийской библиотеки ([Новый Сатирикон. 1914. № 35: 1](#)).

Еще одним направлением стало сатирическое изображение растерянных немецких обывателей, столкнувшихся с дефицитом продуктов и других товаров первой необходимости. Журнал Огонек (август 1914 г.) представляет образ Михеля в изобилии получающего «до войны с Россией» мясо и хлеб. «Во время войны» растерянный и отощавший Михель видит лишь запертые ворота и фигуру ([Огонек. 1914. № 32: 19](#)). Новое время показывает читателю очередь у берлинского магазина деликатесов на прилавке которого только один товар – «Schwarzbrot» (черный хлеб) ([Новое время. 1915. № 13969: 12](#)). Намеренное создание образа «жалкого настоящего» подготавливает прогностику «ужасного будущего» противника, что является одним из действенных механизмов аффективной мобилизации. «Новый Сатирикон» обыгрывая знаменитое высказывание французского короля Генриха IV («я хотел бы, чтобы в супе каждого из моих крестьян была курица») показывает читателю голодающую немецкую крестьянскую семью, сидящую за пустым столом. Кушанье, которое предлагает им Вильгельм II – «утка» – лживая реляция о «нашей блестящей победе» ([Новый Сатирикон. 1914. № 40: 1](#)) Журнал Шут изображает немецкую супружескую пару, читающую «утку» о взятии почти всех русских городов, жалующуюся при этом на дефицит и дороговизну настоящих уток и других продуктов ([Шут. 1914. № 35: 8](#)). «Будильник» изображает обывателя Михеля, ощипывающего перья с «мясистого» прусского черного орла, чтобы приготовить его себе в пищу ([Будильник. 1914. № 35: 4](#)). Аллегорическое изображение европейских держав в образах женщин, в облике и одежде которых присутствуют узнаваемые национальные черты, получил широкое распространение еще в довоенной прессе. После начала войны образ Германии-женщины также трансформируется – вместо изящной молодой девы-воительницы, навеянной романтизированным Р. Вагнером германским эпосом, изображается уродливая карикатурная валькирия, либо старая бюргерша. Например, Германия в виде старой уродливой женщины в рваном переднике, укоряющая своего «мужа» Вильгельма II, возомнившего себя Наполеоном, по чьей вине она теряет все, что так долго собирала и копила – флот и колонии ([Новый Сатирикон. 1914. № 33: 1](#)). Другая ипостась образа Германии как жестокого и коварного агрессора презентует ее читателю в виде врага-зверя. Характерны образы «торжествующей свиньи» в пикельхаубе ([Солнце России. 1914. № 42 \(245\)-43\(246\): 20](#)), либо карикатурной хищной птицы, вызывающие презрение и ненависть.

В карикатурах на немецких солдат применялась феминизация, призванная заменить в массовом сознании ассоциации воинственной маскулинности. Они изображались неестественно худыми, сутулыми, нетвердо стоящими на тонких и слабых ногах. Также популярны были изображения немцев и австрийцев в образе детей, отправленных своими правителями на войну, которую они не в состоянии вести. Например, на страницах журнала «Будильник» изображен представитель «вильгельмова воинства» – маленький мальчик, под присмотром кайзера пытающийся надеть каску, китель, которые слишком велики для него ([Будильник. 1914. № 33: 12](#)). Еще резче высмеивает немецкую мобилизацию карикатура, сообщающая читателю, что якобы «на днях Вильгельм призовет под знамена даже 2-х месячных младенцев» ([Солнце России. 1914. № 33 \(236\)-34 \(237\): 2](#)). Женственные образы врага с нарочито тонкими ногами подчеркивали их слабость, недееспособность, отсутствие мужества, чести и достоинства. При этом довольно часто применялся прием дихотомии – с одной стороны образ сильного и мужественного русского воина-героя, с другой – слабого, тщедушного женоподобного немецкого воина, либо кайзера.

Несмотря на значительную вариативность антинемецких карикатурных образов в них прослеживается ряд повторяющихся визуальных физиогномических маркеров-кодов: наличие звериных черт, гипертрофированные кайзеровские усы, физические изъяны и феминные черты. Звериные черты – эффективный прием расчеловечивания врага, наделение его низменными животными качествами. Торчащие вверх усы «Es ist erreicht» (Цель достигнута) – наиболее узнаваемый маркер кайзера, подчеркивали его агрессию, безумие, манию величия, либо дьявольскую сущность, также использовались для переноса этих черт на обобщенный образ врага-немца. Обыгрывание физических дефектов – неестественная худоба, subtilность и феминность, либо, напротив, полнота и звериная грубость черт ([Будильник. 1914. № 44: 10](#)) также несет в себе несколько семиотических функций – демаскулинизация и антигероизация, подмена страха перед врагом на презрение к нему, аллегория морального уродства. Иногда в таких сардонических и неглубоких

сатирических образах присутствует лирическая грусть и философская глубина. Один из декабрьских номеров «Нового Сатирикона» преподносит читателям историю наивного и доверчивого «воскового ангелочка», летевшего на «новогоднюю елочку», попавшего под артобстрел, по добродушию своему решившего, что это хлопущки, принятого немецким патрулем за шпиона и повешенного им на той самой «елочке» (см. [Рисунок 3](#)) ([Новый Сатирикон. 1914. № 52: 12](#)).

Рис. 3. Немцы и восковой ангелочек

Другими маркерами врага стали шлем с пикой – символ агрессивного прусского милитаризма, элементы военного снаряжения и вооружения. Последние в зависимости от состояния и контекста могли либо символизировать исходящую от врага угрозу, либо подчеркивать его провалы и поражения – разорванные мундиры, выпавшее из рук оружие и т.п. Нивелировка антиценностей противника базировалась на классическом приеме антонимической аксиологизации в пространстве «чужого» и реализовывалась через обращение к религиозным архетипам – дьявол, антихрист, попрания заповедей и разрушение церквей. Враг не просто расчеловечивается, превращаясь в варвара и палача, апелляция к религиозным кодам придает борьбе с ним характер метафизического противостояния добра и зла. Формируемый образ Германии как бы раскрывает глаза читателю – высокая культура, науки и философии остались в прошлом. Сейчас это страна грубого солдафонства и бездумной муштры. Низменные страсти и поворот в стремлении ее обитателей к удовлетворению витальных потребностей и намеренное пренебрежение социальными и когнитивными подчеркиваются сосисками и пивом как неизменными атрибутами немецкости. Например, на страницах журнала «Будильник» (3 августа 1914 г.) сюрреалистический «почти портрет нашего врага» изображает кулак, торчащий из рукава военного мундира, увенчанный пикельхаубе, с зажатými в нем сосисками и бутылкой пива. На следующей странице изображены марширующие по команде Вильгельма «заводные солдатики» ([Будильник. 1914. № 31: 3, 4](#)).

При формировании образа Австро-Венгрии в русской сатире обыгрывалась ее роль «первой зачинщицы мировой смуты» ([Собр. узак. 1914. № 202. Отд. I. Ст. 2078](#)). Журнал Будильник (20 июля 1914 г.) предлагает два способа предотвращения разгорающегося «европейского пожара». «Дипломатическая» группа будет тщетно увещевать разбушевавшегося австрийского офицера в характерном кепи, размахивающего факелами, либо прибегнет к «решительному воздействию» на него ([Будильник. 1914. № 29: 12](#)). Еще в предвоенной печати активно обыгрывались и высмеивались экспансионистские и гегемонистские устремления этой державы по отношению к балканским славянским народам, традиционно воспринимавшимся Россией в качестве угнетенных братьев, нуждающихся в покровительстве и поддержке. Другим направлением при формировании сатирических образов стал упадок Австрийской империи, вырождение ее культуры. Германский кайзер был зрелым мужчиной, любившим военные мундиры, носившим усы с закрученными вверх кончиками, часто эффектно позировавшим в героических позах, отражавших мужественность и милитаризм молодой Германской империи. Его образ в кривом зеркале сатиры приобретал иногда демонические, иногда уродливые черты. Австрийский император Франц Иосиф к началу войны был очень стар. Он и олицетворяемая им держава воспринимались современниками как символы собственного славного прошлого. В сатирической печати гиперболизировались его дряхлость и немощность, создавался образ слабого старца, зависимо от своего более сильного союзника. Например, на одной из карикатур Франц Иосиф предстает дряхлым старцем в качалке. Подпись: «в качалке бледен, недвижим, страдая раной, Франц явился...» (см. [Рисунок 4](#)) ([Солнце России. 1914. № 29 \(232\)-30 \(233\): 17](#)).

Рис. 4. В качалке Франц явился

Другая карикатура изображает его лежащим в постели и жалующимся придворному, что кроме вставной челюсти ему нечем будет защищаться от русских (Будильник. 1914. № 50: 14). На страницах «Шута» изображается сцена флирта молодой женщины и престарелого барона, ужасно напомнившего ей Франца Иосифа – «так же стар, так же слабосилен и так же не имеет денег» (Шут. 1914. № 35: 12). В таком персонифицированном образе Австрийской империи было больше иронии по отношению к ее ушедшему величию, чем страхов и опасений по поводу исходящей от нее военной угрозы. Одним из приемов конструирования антиавстрийских сатирических образов становится обыгрывание опереточных типажей (Филиппова, Баратов, 2014: 68). Например, в «Новом Сатириконе» изображен подчеркнуто опереточный образ австрийца, легко танцующего среди руин покинутого войсками Белграда, подпись раскрывает читателю его мысли: «Право, война совсем уже не такая страшная вещь; я даже думаю, что я, пожалуй, и совсем бы не боялся, если бы знал, что эти проклятые сербы ушли совсем...» (Новый Сатирикон. 1914. № 31: 5).

При рассмотрении публикаций на страницах российской прессы начала войны можно выделить следующие характерные черты формируемого в публицистике образа Австро-Венгрии, отражающие как устоявшиеся стереотипы (старая империя, бывшее величие, притеснительница балканских славян), так и новые нарративы, формируемые уже по итогам первых боев: относительно слабый, особенно по сравнению с германским, уровень подготовки, мотивации и оснащения армии; нежелание многочисленных ненемецких народов империи воевать. Особой популярностью пользуется прием нарративизации несамостоятельности Австрии, ее зависимости от Германии, что по-разному обыгрывалось в сатирических и карикатурных образах. Австрийцы и император Франц Иосиф изображались либо безвольными марионетками, ведомыми в бой германцами и кайзером, трусами, неспособными воевать, либо «пушечным мясом», которым «пруссаки» прикрываются как живым щитом. Следует отметить, что реальное состояние дел в Австро-Венгрии давало пищу такой сатире. Национализм буквально разрывал эту «лоскутную империю» на части. Одна из карикатур на страницах «Будильника» показывает нам австрийского военного сокрушенно смотрящего на свое расположающееся на лоскуты одеяло, которым невозможно будет «прикрыться в ненастное время» (Будильник. 1914. № 30: 12). Августовский номер «Шута» представляет Австро-Венгрию в образе надуваемого Германией воздушного шара, скроенного из лоскутов, символизирующих составляющие ее народы. Читателю предлагается усомниться в способности этой империи выдержать войну (Шут. 1914. № 30: 9). Единственной скрепой-символом ее единства осталась имперская идея, воплощенная в фигуре престарелого императора. Характерна новосатириконовская карикатура «В австрийской армии», изображающая пушку, стреляющую одновременно в обе стороны и поражающую собственный артиллерийский расчет. Подпись поясняет, что такое нововведение связано с крайней ненадежностью австрийских солдат (Новый Сатирикон. 1914. № 36: 4). Сатира как бы сообщает читателю, если Германия воюет на два внешних фронта: восточный и западный, то второй фронт Австро-Венгрии – внутренний, против подчиненных и угнетаемых ей народов.

Антиавстрийские сатирические образы показывают читателю слабого врага, в них, по сравнению с антинемецкими гораздо меньше агрессии и жестокости. Унижение и высмеивание превалируют в них над демонизацией, основной физиогномический код – старость, черты subtilности и феминности. Вместо немецкой пикельхаубе маркером узнавания становится армейское полевое кепи. Если кайзер предстает перед читателями в образе спятившего агрессора,

демона, либо чудовища, то Франц Иосиф – его лакея и прислужника, немощного старика. В качестве вселенского зла презентуется Германия, Австро-Венгрии в этом нарративе отводится второстепенный характер. Картины зверств германцев заменяются образами бегущих и отступающих австрийцев. Практически отсутствуют столь характерные для антинемецких карикатур зооморфные образы. Военно-политический союз с Германией трактуется не как катастрофа для противников, но как ошибочный выбор, создающий реальную угрозу распада для самой «двуединой монархии», погрязшей в национальной розни. Например, сообщение о недовольстве в Будапеште сопровождается изображением австрийского орла, головы которого клюют одна другую. Подпись: «австрийский орел поссорился сам с собою» (Новый Сатирикон. 1914. № 49: 2). Характерный для предвоенной прессы образ Австро-Венгрии – угнетательницы славянских народов дополняется картиной империи, полной внутренних противоречий. Все эти карикатуры как бы говорят читателю: если будущее Германии – позор поражения и сопряженные с ним унижения и бедствия (Будильник. 1914. № 32: 2), то Австро-Венгрии ждет распад.

Российско-османские отношения имели долгую историю. Турция воспринималась как ослабленный, но не окончательно побежденный враг, «старый утеснитель христианской веры и всех славянских народов» (Собр. узак. 1914. № 287. Отд. I. Ст. 2626). Борьба населения Балкан против Османской империи вызывала в русском обществе сочувствие и поддержку. Отношение к Турции в начале войны в карикатурных образах формировалось под влиянием двух основных метафорических стереотипов: «больной человек» и «прислужники кайзера». Первый отражал растущие проблемы многонациональной Османской империи, утратившей к 1914 г. ряд своих прежних владений, экономически и военно-технически сильно отставшей от европейских держав. Второй – усилившееся после младотурецкой революции немецкое экономическое и военное влияние, предопределившее вступление «ослепленной» Германией и Австро-Венгрией Турции в войну с Россией (Собр. узак. 1914 г. № 287. Отд. I. Ст. 2626). Антитурецкая риторика формируется под влиянием традиционных для российского консервативно-патриотического дискурса, призывов освободить «поруганный храм и вновь явить миру погашенный турками светоч» (Трубецкой, 1915: 5). «Вековая мечта» Российской империи – овладение проливами (Босфор и Дарданеллы) становится одной из приоритетных целей войны и также отражается на общественных настроениях того периода.

«Новое время» от января 1915 г., подводя итоги ушедшего года, сатирически изображает ключевое событие октября – вступление Османской империи в войну. Турция предстает в образе старой отощавшей клячи в характерной феске. Огромный бог войны Марс пытается взгромоздить на ее костлявую спину тяжелое седло. Подпись выражает сомнения Марса: «Ну, снаряжайся, горемычная! Выдержишь-ли ты только меня?» (Новое время. 1915. № 13941: 9). Другая карикатура начала войны изображает тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия, Турция) в виде гротескного трио. Немец и австриец поддерживают за обе руки подчеркнута худую и немощную фигуру турка в красной феске. Образ больного человека подчеркивают протезы руки и ноги, оборванный мундир. Подпись: «Мы на врага втроем ударим разом!» (см. Рисунок 5) (Альбом карикатур, 1914).

Рис. 5. Мы на врага втроем ударим разом!

Новосатириконовская карикатура также отражает слабость и зависимость Турции от Германии, ее использование в предстоящих боевых действиях как инструмента и расходного материала. Персонафицированная Германия (Вильгельм II) дергает за веревочки «страшное пугало» (Шут. 1914. № 33: 1), отбивается от врагов турецким воином вместо дубинки, в результате чего отрывается его голова. Подпись раскрывает читателю лживое уверение Вильгельма, что ни один волос не спадет с его головы (Новый сатирикон. 1914. № 39: 1). Этот нарратив раскрывают и другие карикатуры, появившиеся на страницах периодических изданий в октябре 1914 г. Кайзер изображается в гондоле воздушного шара и сбрасывает турка вниз как балласт для того чтобы подняться повыше и уйти от леса штыков (Новый сатирикон. 1914. № 44: 1). Другой образ – кайзер-кучер, подхлестывающий две изможденные фигуры, с трудом влекущие повозку с ним – турка и австрийца (Будильник. 1914. № 43: 9) Набеговая операция немецко-турецкого флота, совершившего под руководством германских офицеров обстрел черноморских портов, что привело к непосредственному объявлению войны Турции державами Антанты, нашло отражение в сатире. Одна из карикатур презентует читателю двух османских матросов и свинью с хлыстом в немецком морском офицерском мундире, стоящую на заднем плане. Подпись раскрывает разговор матросов: «Свиньи не только находятся на правоверном корабле, но еще и командуют нами!...» (Альбом карикатур, 1914).

При создании антитурецких сатирических образов использовался ряд приемов осмеяния врага, сходных с антиавстрийскими карикатурами. Турок, как и австриец – слабый враг, «больной человек», лишенный своей воли, «немецкое би-ба-бо» (Солнце России. 1914. № 40 (243)-41(244): 2). Основные физиогномические маркеры – феска или тюрбан, гипертрофированные восточные черты, элементы национального костюма, символы звезды и полумесяца, ятаган придают образам узнаваемый турецкий колорит, подчеркивают чуждость этого образа России и российскости. Ключевой семиотический код – зависимость от кайзера. Образы Франца Иосифа также подчеркивают его второстепенность и подчиненность кайзеру, при этом Австро-Венгрия воспринимается как в основе своей немецкая держава. В этом смысле ее союз с Германией более естественный и равный, чем союз германских держав и османской Турции. Например, карикатура на страницах «Солнца России» изображает фигуру турка и свинью в пикельхаубе. Подпись: «союз, противный даже Корану» (Солнце России. 1914. № 42 (245)-43(246): 2). Преобладает мотив откровенного пренебрежения Вильгельмом II и немцами своими турецкими союзниками. Обещания помощи и поддержки со стороны кайзера преподносятся как лживые и лицемерные. Читателям сообщается, что главные злодеи, стоящие за спинами турок, толкающие их к войне и цинично прикрывающиеся ими – кайзер и немцы.

5. Заключение

«Нарратив 1914 года» отразился в кривом зеркале российских сатирических изданий пестрым рядом карикатурных образов врагов, еще совсем недавно бывших добрыми соседями. Основной мишенью стала Германия, символом ее милитаризма и агрессивной мировой политики предвоенных лет стал кайзер Вильгельм II. Его усы наряду с каской пикельхаубе стали самыми узнаваемыми семиотическими маркерами идентификации противника. Другие идентификаторы – дряхлость и немощность Франца Иосифа, феминность в сочетании с животной грубостью немцев, subtilность австрийцев, наложение черт «больного человека» на образы турок. Германия и кайзер – главные объекты демонизации врага. Основные приемы – снятие ореола высокой культуры, антигероизация, зооморфизация, расчеловечивание, порой доходящее до крайних форм, когда германцев представляли толпой мародеров, насильников и изуверов, а Вильгельма II – врагом рода человеческого, придавая его образу демонические черты. В этом случае Германия представлялась вселенским злом, а борьба с ней – «войной, которая положит конец всем войнам». Использовались и исторические аллюзии, кайзер иногда изображался в образе «неудавшегося Наполеона». В целом для антигерманского карикатурно-сатирического нарратива характерно: «срывание масок» «культуртрегеров» и мыслителей; доведение до абсурда милитаризма и муштры; гиперболизация «немецких зверств»; представление немецких солдат и обывателей грубыми, низменными, тупыми, алчными, лишенными добродетели и морали, агрессивными и в то же время трусливыми. Антиавстрийские и антитурецкие сюжеты менее многоконтекстны. Образы престарелого императора Франца Иосифа, феминных австрийских солдат и «больного человека Европы» не несли в себе того «демонического» зла, которым наделяли Германию и кайзера. В карикатурных репрезентациях Австро-Венгрии и Турции пренебрежение и осмеяние доминировали над демонизацией. Их военная и экономическая зависимость от более сильной Германии гиперболизировалась. В антитурецкой сатире отсутствовали и выпады, оскорбляющие исламскую религию. В целом религиозная и расовая тема не характерна для русских сатирических изданий. Пороки, аморальность и многочисленные зверства приписывались врагам, но не привязывались к народам, либо вероисповеданиям.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-28-20051, <https://rscf.ru/project/26-28-20051/>

The study was supported by grant No. 26-28-20051 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/26-28-20051/>

Литература

- Аксенов, 2020** – Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020. 992 с.
- Альбом карикатур, 1914** – Альбом карикатур. 1914 год. М., 1914.
- Асташов, 2012** – Асташов А.Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. 400 с.
- Барт, 1989** – Барт Р. Риторика образа // *Избранные работы: Семиотика: Поэтика*. М., 1989. С. 297-318.
- Блументаль, 1928** – Блументаль Ф.Л. Буржуазная политработа в мировую войну 1914–1918 гг.: (Обработка общественного мнения). М.; Л., 1928.
- Будильник** – Сатирический журнал «Будильник».
- Война, 1914** – Война. Литературно-художеств. альманах. М. 1914.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Гиппиус, 1929** – Гиппиус З. Синяя книга // *Петербургский дневник. 1914-1919*. Белград, 1929.
- Голиков, Рыбаченок, 2010** – Голиков А. Г., Рыбаченок И. С. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010. 328 с.
- Голос Москвы** – Газета «Голос Москвы».
- Денисов, 1916** – Денисов В. Война и лубок. Петроград, 1916.
- Котов, 2011** – Котов Б.С. Образ российских немцев в русской прессе накануне Первой мировой войны // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2011. Т. 13. № 3-2. С. 391-398.
- Ласвель, 1929** – Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне. М.; Л., 1929.
- Миронова, 2018** – Миронова Е. В. Образ Германии в русских пропагандистских открытках времен Первой Мировой Войны // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Т. 10. № 3-2. С. 42-53.
- Новое время** – Газета «Новое время».
- Новый сатирик** – Литературно-художественный иллюстрированный сатирический журнал «Новый сатирик».
- Огонек** – Иллюстрированный журнал «Огонек».
- Панофский, 2009** – Панофский Э. Этюды по иконологии: Гуманистические темы в искусстве Возрождения. СПб., 2009. 432 с.
- Потапов, 1926** – Потапов Н.М. Печать и война. М.; Л., 1926.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Россия и Запад, 1998** – Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. 334 с.
- Ростиславлева, 2018** – Ростиславлева Н.В. Образ Германии в российском историческом нарративе в годы Первой мировой войны (на примере журнала «Голос минувшего») // *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2018. № 10-2(43). С. 274-285.
- Сенявская, 2006** – Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX в.: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М, 2006. 288 с.
- Славенсон, 1916** – Славенсон В. Милитарная карикатура // *Русская мысль*. 1916. № 6. С. 26-31.
- Собр. узак. 1914** – Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1914.
- Солнце России** – Иллюстрированный журнал «Солнце России».
- Трубецкой, 1915** – Трубецкой Е.Н. Национальный вопрос. Константинополь и Святая София. М., 1915.
- Филиппова, 2016** – Филиппова Т.А. «Большой человек» в эпоху войн и революций: образ Турции в русской журнальной сатире, 1908–1918. СПб., 2016. 302 с.
- Филиппова, Баратов, 2014** – Филиппова Т.А., Баратов П.Н. «Враги России». Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. М., 2014. 272 с.
- Филиппова, Баратов, 2017** – Филиппова Т., Баратов П. Великая война и Великая революция в русской журнальной сатире. 1914–1918. М., 2017. 304 с.
- Флеровский, 1914** – Флеровский И.П. Война и карикатура // *Современник*. 1914. № 10. С. 276-280.
- Фролов, 2024** – Фролов В.В. Образ Германии на страницах газеты «Русский инвалид» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.) // *Журнал фронтирных исследований*. 2024. Т. 9. № 4(36). С. 267-289.
- Фролов, 2025** – Фролов В.В. Образ Австро-Венгрии на страницах журнала «Новый Сатирик» в первые месяцы Первой мировой войны // *Исторический журнал: научные исследования*. 2025. № 5. С. 264-275.

Цыкалов, 2012 – Цыкалов Д.Е. Карикатура как орудие пропаганды в период Первой мировой войны // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История.* 2012. № 1(21). С. 85-90.

Шут – Художественный журнал карикатур «Шут».

Frolov, 2016 – Frolov E.D. Academic Links Between Russia and Germany in the 18th-19th centuries // *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 2016. 3. Pp. 57-67.

Magsumov, 2025 – Magsumov T.A. The First World War: the Eastern Front in Modern Historiography // *Bylye Gody.* 2025. 20(1): 487-497.

Polyakova, 2012 – Polyakova L.G. Periodical Press as a Means to Study Rear Area Activities in the First World War (Black Sea Province Case Study) // *Bylye Gody.* 2012. 3(25). Pp. 42-51.

Wells, 1914 – Wells H.G. *The War That Will End War.* New York, 1914.

References

Aksenov, 2020 – Aksenov, V.B. (2020). Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroeniya rossiiyan v gody voyny i revolyutsii (1914–1918) [Rumors, images, emotions. Mass moods of Russians during the war and revolution (1914–1918)]. M. 992 p. [in Russian]

Al'bom karikatur, 1914 – Al'bom karikatur [Album of cartoons]. M. 1914. [in Russian]

Astashov, 2012 – Astashov, A.B. (2012). Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoj mirovoj vojny [Propaganda on the Russian Front during World War I]. M. 400 p. [in Russian]

Barthes, 1989 – Barthes, R. (1989). Ritorika obraza [Rhetoric of the image]. *Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika.* M. Pp. 297-318. [in Russian]

Blumental', 1928 – Blumental', F.L. (1928). Burzhuaznaja politrabota v mirovju vojnu 1914–1918 gg.: (Obrabotka obshestvennogo mnenija) [Bourgeois political work during the world war of 1914–1918: (Processing public opinion)]. Moskva; Leningrad. [in Russian]

Budil'nik – Satiricheskij zhurnal «Budil'nik» [Satirical magazine "Budil'nik"]. [in Russian]

Denisov, 1916 – Denisov, V. (1916). Voyna i lubok [War and popular prints]. Petrograd. [in Russian]

Filippova, 2016 – Filippova, T.A. (2016). «Bol'noi chelovek» v epokhu vojn i revolyutsii: obraz Turtsii v russkoi zhurnal'noi satire, 1908–1918 [“The Sick man” in an era of wars and revolutions: the image of Turkey in Russian magazine satire, 1908–1918]. SPb. 302 p. [in Russian]

Filippova, Baratov, 2014 – Filippova, T.A., Baratov, P.N. (2014). «Vragi Rossii». Obrazy i ritoriki vrazhdy v russkoi zhurnal'noj satire jepohi Pervoj mirovoj vojny [“Enemies of Russia”. Images and Rhetoric of Enmity in Russian Magazine Satire of the First World War]. Moscow. 272 p. [in Russian]

Filippova, Baratov, 2017 – Filippova, T., Baratov, P. (2017). Velikaya voyna i Velikaya revolyutsiya v russkoi zhurnal'noi satire. 1914–1918 [The Great War and the Great Revolution in Russian magazine satire]. 1914–1918. M. 304 p. [in Russian]

Flerovskij, 1914 – Flerovskij, I. P. (1914). Voyna i karikatura [War and caricature]. *Sovremennik.* 10: 276-280. [in Russian]

Frolov, 2016 – Frolov, E.D. (2016). Academic Links Between Russia and Germany in the 18th-19th centuries. *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 3: 57-67.

Frolov, 2024 – Frolov, V.V. (2024). Obraz Germanii na stranicah gazety «Russkij invalid» v pervye gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1915 gg.) [The image of Germany on the pages of the newspaper "Russian Invalid" in the first years of the First World War (1914–1915)]. *Zhurnal frontirnyh issledovanij.* 9. 4(36): 267-289. [in Russian]

Frolov, 2025 – Frolov, V. V. (2025). Obraz Avstro-Vengrii na stranicah zhurnala «Novyj Satirikon» v pervye mesjacy Pervoj mirovoj vojny [The image of Austria-Hungary on the pages of the magazine “New Satyricon” in the first months of World War I]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovanija.* 5: 264-275. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation].

Gippius, 1929 – Gippius, Z. (1929). Sinjaja kniga [Blue book]. Peterburgskij dnevnik. 1914–1919. Belgrade. [in Russian]

Golikov, Rybachenok, 2010 – Golikov, A.G., Rybachenok, I.S. (2010). Smeh – delo ser'eznoe. Rossija i mir na rubezhe XIX–HH vekov v politicheskoi karikature [Laughter is a serious matter. Russia and the world at the turn of the 19th and 20th centuries in political caricature.]. M. 328 p. [in Russian]

Golos Moskvy – Gazeta «Golos Moskvy» [“Golos Moskvy” newspaper]. [in Russian]

Kotov, 2011 – Kotov, B.S. (2011). Obraz rossijskikh nemcev v russkoi presse nakanune Pervoj mirovoj vojny [The image of Russian Germans in the Russian press on the eve of World War I]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk.* 13(3-2): 391-398. [in Russian]

Lasvel', 1929 – Lasvel', G. (1929). Tehnika propagandy v mirovoj vojne [Propaganda techniques in the World War]. Moscow; Leningrad. [in Russian]

Magsumov, 2025 – Magsumov, T.A. (2025). The First World War: the Eastern Front in Modern Historiography. *Bylye Gody.* 20(1): 487-497.

- Mironova, 2018 – Mironova, E.V. (2018). *Obraz Germanii v russkikh propagandistskikh otkrytkah vremen Pervoj Mirovoj Vojny* [The image of Germany in Russian propaganda postcards during World War I]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'*. 10(3-2): 42-53. [in Russian]
- Novoe vremja – Gazeta «Novoe vremja» [“Novoe vremja” newspaper]. [in Russian]
- Novyj satirikon – Literaturno-hudozhestvennyj illjustrirovannyj satiricheskij zhurnal «Novyj satirikon» [Literary and artistic illustrated satirical magazine “Novyj satirikon”]. [in Russian]
- Ogonek – Illjustrirovannyj zhurnal «Ogonek» [Illustrated magazine “Ogonyok”]. [in Russian]
- Panofsky, 2009 – Panofsky, E. (2009). *Etyudy po ikonologii: Gumanisticheskie temy v iskusstve Vozrozhdeniya* [Studies in iconology: Humanistic themes in Renaissance art]. St. Petersburg. 432 p. [in Russian]
- Polyakova, 2012 – Polyakova, L.G. (2012). *Periodical Press as a Means to Study Rear Area Activities in the First World War (Black Sea Province Case Study)*. *Bylye Gody*. 3(25): 42-51.
- Potapov, 1926 – Potapov, N.M. (1926). *Pechat' i vojna* [Press and war]. M.; Leningrad. [in Russian]
- RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].
- Rossija i Zapad, 1998 – Rossija i Zapad. *Formirovanie vneshnepoliticeskikh stereotipov v soznanii rossijskogo obshhestva pervoj poloviny XX veka* [Russia and the West: The Formation of Foreign Policy Stereotypes in the Consciousness of Russian Society in the First Half of the 20th Century]. M. 1998. 334 p. [in Russian]
- Rostislavleva, 2018 – Rostislavleva, N.V. (2018). *Obraz Germanii v rossijskom istoricheskom narrative v gody Pervoj mirovoj vojny (na primere zhurnala «Golos minuvshego»)* [The image of Germany in the Russian historical narrative during the First World War (based on the magazine “Golos minuvshego”)]. *Vestnik RGGU. Serija: Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie*. 10-2(43): 274-285. [in Russian]
- Senjavskaja, 2006 – Senjavskaja, E.S. (2006). *Protivniki Rossii v voynakh XIX v.: Evolyutsiya «obraza vraga» v soznanii armii i obshchestva* [Russia's adversaries in the wars of the 20th century: the evolution of the "image of the enemy" in the consciousness of the army and society]. M. 288 p. [in Russian]
- Shut – Hudozhestvennyj zhurnal karikatur «Shut» [art magazine of cartoons “Shut”]. [in Russian]
- Slavenson, 1916 – Slavenson, V. (1916.). *Militarnaja karikatura* [Military caricature]. *Russkaja mysl'*. 6: 26-31. [in Russian]
- Sobr. uzak. 1914 – *Sobraniju uzakonenij i rasporjazhenij pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvujushhem Senate* [Collection of laws and regulations of the government, issued by the Governing Senate]. St. Petersburg. 1914. [in Russian]
- Solntse Rossii – Illjustrirovannyj zhurnal «Solntse Rossii» [Illustrated magazine “Solnce Rossii”]. [in Russian]
- Trubetskoi, 1915 – Trubetskoi, E.N. (1915). *Natsional'nyj vopros. Konstantinopol' i Svjataja Sofija* [The national question. Constantinople and Hagia Sophia]. M.
- Tsykalov, 2012 – Tsykalov, D.E. (2012). *Karikatura kak orudie propagandy v period Pervoj mirovoj vojny* [Caricature as a propaganda tool during the First World War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istorija*. 1(21): 85-90. [in Russian]
- Voina, 1914 – *Voina. Literaturno-hudozhestv. Al'manah* [War. Literary and Artistic Almanah]. M. 1914. [in Russian]
- Wells, 1914 – Wells, H.G. (1914). *The War That Will End War*. New York.

Карикатурный образ врага в прессе Российской империи начала Первой мировой войны: от осмеяния к демонизации

Евгений Александрович Авдеев ^{a, *}, Сергей Михайлович Воробьев ^a, Борис Андреевич Шишкин ^a

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье изучаются карикатурные образы врагов на страницах российской прессы, издававшейся в начале Первой мировой войны (июль 1914 – январь 1915 г.). Авторами применяется иконологический анализ антигерманских, антиавстрийских и антитурецких изображений, включающий их описание и выявление визуальных маркеров, идентифицирующих врага, определение сюжетов, декодирование символических значений и внутренних смыслов. Выявляются, описываются и иллюстрируются конкретными примерами приемы осмеяния противников и их демонизации. Рассматриваются применяемые в карикатуре исторические аллюзии, создающие ироничный контекст. Образ кайзера Вильгельма II, ряд его шаржированных узнаваемых черт, стали символами враждебной Германии, ее милитаризма, агрессивной внешней политики и военных

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ewg.avdeev@yandex.ru (Е.А. Авдеев)

амбиций. Демонизация германцев и кайзера превращает их в символы вселенского зла, придавая войне экзистенциальный характер. Для антигерманского карикатурно-сатирического нарратива характерно: развенчание образов «культуртрегеров» и мыслителей; доведение до абсурда милитаризма и муштры; гиперболизация «немецких зверств»; антигероизация и аморализация немецких солдат и обывателей. Многие антиавстрийские карикатуры строятся вокруг образа престарелого императора Франца Иосифа, антитурецкие иронично переосмысливают клише «больного человека Европы». В карикатурных репрезентациях Австро-Венгрии и Турции насмешка преобладает над демонизацией, гиперболизируются внутренние проблемы этих государств, их зависимость от Германии.

Ключевые слова: карикатура, образ врага, пресса, Российская империя, Первая мировая война, демонизация, кайзер, Германия, Австро-Венгрия, Турция.